

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПРОФСОЮЗЫ: ВОЗМОЖНОСТИ И РЕАЛЬНОСТЬ

(округлый стол» редакции)

Профсоюзы играют важную роль в социальном и экономическом обновлении нашего общества. Выполняя функцию защиты интересов трудящихся, они способствуют мобилизации человеческих ресурсов производства, повышению его эффективности.

Вместе с тем, как показывает практика перестройки, в профсоюзном движении не все обстоит благополучно. В последнее время часто говорят о «кризисе доверия» к существующим профессиональным союзам, их неспособности гарантировать и отстаивать права рабочего класса в борьбе с бюрократией.

Ныне в современном рабочем движении возникают неформальные объединения, берущие или пытающиеся брать на себя те функции, которые не очень успешно выполняют официальные профсоюзы.

Каковы причины появления и сущность неформальных профессиональных объединений? Какие цели и задачи они перед собой ставят? Наконец, в каком отношении к официальным профсоюзам - конфронтации или дополнения - они находятся? Обсуждение этих и других вопросов редакция проводит с членами «Социалистического профсоюза» - нового неформального объединения. В заседании «круглого стола» принимают участие: А. И. Бадин - электромонтер Троллейбусного управления г. Волгодонска; Л. М. Воловик - член Координационного совета Соцпрофа; А. Н. Комозин - кандидат философских

наук, старший научный сотрудник НИЦ ВКШ; А. К. Назимова - кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР; А. В. Липский - младший научный сотрудник Института социологии АН СССР; М. А. Пресман - журналист; С. В. Храмов — член Координационного совета Соцпрофа. Обсуждение ведет кандидат философских наук, научный консультант журнала А. И. Кравченко.

А. И. Кравченко: Мы собрались для того, чтобы за «круглым столом» редакции встретиться с представителями неформальных профсоюзов. Тема нашего обсуждения - социальные вопросы современного рабочего движения, роль в нем профсоюзов и возникновение альтернативных организаций. Поскольку с неформальными профсоюзами академические ученые, насколько я знаю, встречаются вот так лицом к лицу впервые, то хотелось бы предложить нашим гостям - ученым и представителям неофициальных профсоюзов - изложить фактическое положение дел, рассказать, что происходит с официальными и альтернативными профсоюзами, можно ли рассматривать только зарождающееся новое движение как какую-то социальную, политическую или экономическую альтернативу тому, что теперь принято называть Административной системой или старым хозяйственным механизмом. Какое место могут или должны занять Социалистические профсоюзы в соци-

альной структуре общества, как они должны определяться по отношению к другим составляющим рабочего движения, а также к тому неформальному политическому авангарду, который сегодня выступает частью общедемократического движения в стране?

Итак, что такое «Соцпроф»? Когда он возник, какие цели преследует и на каких принципах организован?

Л. М. Воловик: Объединение «Соцпроф» официально ведет начало с 1 апреля 1989 г. Именно в этот день состоялось учредительное собрание, на котором были приглашенные из разных городов страны. Всего присутствовало около 40 человек. Вы спросите, почему оно было столь непредставительным? Дело в том, что на первых порах, да и сейчас нам постоянно ставят бюрократические препоны. Когда открыто, а когда и негласно, нам активно мешают. Помощь оказали только кооператоры. Собрание удалось провести в ресторане «Замоскворечье». На нем избрали Координационный совет, которому поручили юридическое оформление статуса нового объединения и проведение организационной работы по сплочению сторонников соцпрофдвижения.

28 июля 1989 г. МВД СССР выдало разрешение на изготовление печати. Состоялось официальное признание «Соцпрофа». Мы смогли открыть расчетный счет в Октябрьском отделении Промстройбанка Москвы, получили все реквизиты юридического и официального лица.

Хотя лично для меня профсоюзы начались раньше - в январе 1989 г., когда состоялось собрание рабочих в общежитии ЗИЛа. На нем автозаводцы постановили, что существующий профсоюз их не удовлетворяет, т. к. не защищает в должной мере их права. Поэтому и приняли решение о создании своего независимого профсоюза. Через некоторое время мы познакомились с С. В. Храмовым, у него была своя профсоюзная идея. Суммировав наши предложения, дали правовую и организационную проработку вопросу, подготовились к проведению апрельского собрания.

О структуре профсоюзного объединения «Соцпроф» могу сказать следующее. Низший уровень включает местные первичные, или основные организации, которые выступают опорой нового профсоюза. В каком смысле? Они полностью владеют материальными средствами, распоряжаются деньгами и членскими взносами, формируясь по принципам профессионально-социального единства.

Представители первичных ячеек входят в организационный совет. В результате создается подобие иерархической структуры, но с небольшим числом уровней. Оргсовет, что закреплено уставом «Соцпрофа», формируется путем прямого делегирования. А вот Координационный совет был избран прямым голосованием на первом же собрании.

Основная наша цель-защита профессиональных интересов людей, причем независимо от их ведомственной «прописки». Анализируя существующее положение дел, мы убедились, что в стране в принципе нет мощных защитных институтов, которые защищали бы человека. Именно человека, а не члена профсоюза. Защищали профессионально, политически и даже духовно. Ныне действующая профсоюзная структура, т. е. ВЦСПС является, на мой взгляд, совершенно непредставительной и по социальному составу, и по принципам работы, и по месту, занимаемому в обществе, и по подбору кадров. Характерно, что подобные недостатки отмечают сами деятели ВЦСПС. Так что речь идет о вполне объективных фактах.

Ведь, если вдуматься, чем занимаются профсоюзы? Выполнением производственных планов, распределением дефицитных товаров (машин, ковров, обуви и т. п.), раздачей квартир и путевок в дома отдыха, оплатой больничных листов. Чем же тогда они отличаются от госстраха? Происходит, с одной стороны, коммуналлизация профсоюзов, превращение их в «соцобес», а с другой - их огосударствление, бюрократизация. Вот вам и причины отрыва от народа. Об этом свидетельствует недавняя волна забастовок, которая поднялась стихийно. Никакой профсоюз стачечников не

поддерживал. Хотя причина — ухудшение условий труда и быта - входит в компетенцию «коммунализированных» профсоюзов. Ведь они взяли на себя функцию обеспечения условий труда и быта, но в забастовке не участвовали, потому что забыли о другой своей функции - защите прав трудящихся.

А. М. Кравченко: Расскажите, пожалуйста, о том, как вы искали себе единомышленников. Может быть они узнали о вас из случайных разговоров или познакомились с «Соцпрофом» через прессу? Сколько их? Кто именно стоит за вами?

С. В. Храмов: Хочу уточнить суть дела. Мы создаем не идеологическую, а социально-экономическую организацию. Ее цель - не организация массовых митингов и собраний в защиту трудящихся, а предоставление возможности работать каждому желающему. Поэтому надобность в агитационных действиях сама собой отпадает. При агитации - устной или - письменной — инициатива идет сверху вниз, а в нашем случае она возникает Сама собой, т. е. снизу. Если у человека есть потребность в защите своих прав, он идет к нам! Вот и вся агитация. Мы приглашаем совершенно незнакомых людей из разных городов страны. Мы не знаем, кто они по профессии или по социальному положению, каких политических взглядов придерживаются, каков их экономический статус. В «Соцпрофе» все эти атрибуты не важны. Главное, повторяю, чтобы они были сторонниками профсоюзного движения на широкой, многоальтернативной основе.

Я убежден в одном: если люди хотят работать честно и профессионально, они сами создадут ту структуру, которая их больше всего устраивает. Мы же лишь помогаем оформить ее своими знаниями и опытом, даем возможность людям, желающим работать, обрести юридическое, профсоюзное и экономическое лицо. Ведь новые профсоюзы - это хозяйственная организация. Они не сидят и не могут сидеть на дотациях государства или профсоюзов в старом понимании слова. И это еще один фактор,

препятствующий нашей бюрократизации. Если бы мы после первого же собрания стали вести протоколы приема новых членов, то неминуемо превратились в очередную неформальную политическую организацию. Членство у нас может быть только в местных комитетах. Оно определяется лишь после того, как эти местные организации получили свое юридическое лицо, им установили счет в банке, и они произвели сбор членских взносов. Только после этого мы можем установить, какова численность «Соцпрофа».

На сегодня «Соцпроф» насчитывает четыре организации в Москве, по одной в Воронеже, Запорожье, Днепропетровске, Волгодонске. Я знаю, что товарищ Бадин тоже наш единомышленник, но я еще с ним не говорил на эту тему и вижу его в первый раз. Таков наш метод работы, никакая агитация здесь не нужна.

Когда я выступаю в рабочих коллективах, то говорю о простых вещах: как вы решите в своей первичной организации - новой или созданной в рамках ВЦСПС, так оно и будет. Например, с оплатой больничных. Мы считаем, что агитация должна быть только делом. Допустим, на заводе создается кооператив (хотя слово это у рабочих не пользуется хорошей репутацией) и его называют профсоюзной организацией подсобных рабочих, как это случилось только что в депо Москва-Сортировочная. И это не просто новое имя. Люди понимают, что им не нужно ничего и никому отчислять, что впредь они не обязаны получать никаких указаний или инструкций. Они делают только то, что сами считают нужным. Вот это и есть наш профсоюз.

Сейчас мы оцениваем число своих сторонников приблизительно в 5-6 тыс. человек. Недавно у нас состоялся разговор с представителями Народного фронта Азербайджана. Речь шла о регистрации профорганизации, которая, возможно, будет насчитывать несколько миллионов человек. Существует также договоренность с ЗИЛом, где желающих много. Процесс организации альтерна-

тивных профсоюзов идет спонтанно, по инициативе снизу. Причем, в самых разных отраслях народного хозяйства, в частности, в агросекторе, среди творческих работников, а не только в промышленности.

Как мы намереваемся защищать права человека? Это зависит, в первую очередь, от количества членов профсоюза. Я говорю о таких вещах, как защита размера зарплаты, перспективы договора, условий труда. Меня могут спросить, причем здесь количественная сторона дела? Зарплата, договор, условия труда - это коллективные формы организации труда. Они касаются всех или многих. Если численность соцпрофсовской ячейки достаточно велика, то она может спокойно заключать коллективный договор. Пока число членов нашего профсоюза недостаточно для такого заключения, мы создаем для тех, кто не являются членами профсоюза, какие-то возможности активно участвовать в общественной жизни. Например, открываем на предприятии кооперативную столовую по ценам ниже государственных или кооперативную строительную организацию. Уходя из официальных профсоюзов и вступая в наш, рабочий по существу многое теряет — разного рода льготы, очередь на квартиру и т. п. Мы должны как-то компенсировать потерю прежнего профсоюзного статуса. Причем, компенсировать реально, экономически, а не благими обещаниями в будущем. Это и есть борьба за интересы трудящихся. А рабочий класс, как мы с вами хорошо знаем, отнюдь не самый привилегированный. Ему есть что терять, и это «есть» иногда стоит очень дорого. Допустим, гарантия спокойной жизни на предприятии, отношение товарищей, которые неизвестно как посмотрят на твой шаг. У него и очередь на квартиру, и детский сад, и школа, и премии, различные выплаты, вообще, бог знает, что еще, но кажется, очень многое. Причем, привилегии не обязательно профсоюзные, но появляющиеся неизменно из-за попустительства профсоюзов или администрации. Например, в депо возник конфликт между проводниками тех ва-

гонов, где возят мясо, и тех, где фрукты. Навару и всевозможных чаевых у первых больше, работа на мясе выгоднее. Естественно, администрация очень ловко жонглирует ситуацией и материальной заинтересованностью людей: самых лояльных она всегда ставит на мясо. А. И. Кравченко: Так что, вы смело вмешиваетесь в конфликт и каким-то образом его решаете? Ведь защита интересов наиболее обездоленной части работающих, будем так говорить, ваша прямая обязанность.

С. В. Храмов: Так мы пока не вмешиваемся. Сейчас еще только создаем работникам возможность получать экономические блага не путем лояльности к администрации предприятия, а установлением прямых связей между кооператорами и арендаторами за счет создания собственных подсобных хозяйств. Л. М. Воловик: Надо различать «законы», негласно устанавливаемые администрацией, и законы, установленные обществом, государством. «Соцпроф» выступает против первых и голосует за вторые. В правовом государстве защитить права трудящихся можно только с помощью государственных же законов. Это аксиома социальной действительности. Однако, как мне кажется, наши официальные профсоюзы пренебрегли такой аксиомой, они потворствуют нечестным действиям администрации и потому не в состоянии защитить людей. Первый вариант защиты, который мы предлагаем, - это исполнение законов, которые у нас не исполняются.

А.. И. Кравченко: Но согласитесь, что добровольное исполнение законов в наше время, к сожалению, исключение, нежели общее правило. Чаще приходится заставлять людей исполнять предписанное. Но это уже не функция профсоюзов, во всяком случае, наименее успешная область их деятельности. Л. М. Воловик: В «Соцпрофе» дело обстоит иначе. Мы можем заставить исполнять законы. Как это происходит? У нас разработано несколько вариантов. Первый — охрана труда. Допустим, администрация хронически нарушает технику безопасности. «Соцпроф» предостав-

ляет в распоряжение трудовых коллективов по контракту высококвалифицированных экспертов и консультантов. Социальная диагностика рабочих мест — одна из важных функций новых профсоюзов. Причем, заметьте, наши эксперты - независимые от администрации лица. Они вполне могут дать не только научное, но и объективное заключение о содержании труда. ВЦСПС же не в состоянии предоставить такой возможности. Часто получается, что улучшать условия труда уполномочены виновники их ухудшения. Второе. «Соцпроф» наладил очень тесные контакты с самой мощной юридической системой страны - Союзом адвокатов СССР. Нам разрешено привлекать высококомпетентных юристов. Разумеется, адвокатские возможности задействованы пока не в полную силу.

Конкретный пример. В существующем Кодексе законов о труде есть, на мой взгляд, любопытная статья. Она не позволяет уволить работника без согласия профсоюза. С возникновением альтернативных профсоюзов возникает вопрос: а какого именно профсоюза? И мы уже не дадим разрешения на увольнение человека только за то, что он кому-то не угодил. Получается так: пока ты удобен администрации, тебя держат всевозможными подачками. А стоит покритиковать недостатки, как о твоих правах гражданина и члена советского общества сразу же забывают. Что же это за права, которыми можно манипулировать, и что это за экономическая система, при которой человека держат на месте лишь тем, что удовлетворяют его насущные потребности? Наша задача - создать такую систему, прежде всего экономическую, которая бы освободила человека от вынужденного принятия всевозможных подачек и привилегий.

С. В. Храмов: Полностью присоединяюсь к сказанному. Профсоюзу должно быть стыдно, что он зарабатывает себе сносное существование не честным трудом, а за счет подачек и благодеяний. Производство обязано сполна воздавать за высококвалифицированный труд. На мой взгляд, любой профсоюз - это не

богадельня, но организация, позволяющая своим членам зарабатывать столько денег, сколько им требуется для удовлетворения насущных и перспективных потребностей. Для этого мы хотим создать условия, при которых человек может работать, а не служить или прислуживать. Однако сейчас получается, что профсоюз выступает заодно с администрацией, когда превращают человека из работника в службиста. Работать и служить, несомненно, разные понятия. Одно подразумевает свободный профессиональный труд, второе - лояльность и времяпрепровождение на рабочем месте.

Мы учредили фонд социальной защиты и милосердия. В областном банке его счет № 722. В задачу фонда входит оказание бытовой помощи пенсионерам и инвалидам, юридическая консультация уволенным с предприятия и безработным, создание специальных производств, где могут быть заняты пенсионеры, инвалиды, безработные, например, мастерских по изготовлению протезов при заводе им. Семашко.

Этот фонд будет осуществлять также собственную экономическую деятельность. В какой форме это выражается? Мы уже ведем работу по обслуживанию пенсионеров: наши сотрудники приходят к ним домой и выполняют хозяйственную работу. Если у пенсионера есть деньги, он платит за услуги от 5 до 25 рублей, если нет, деньги вносит фонд. Таким образом мы оплатили счета уже на несколько тысяч рублей. Основным же источником фонда являются пожертвования и средства от собственной экономической деятельности. Кроме того, мы открыли хозрасчетный центр научных исследований, который наряду с выполнением задач «Соцпрофа» принимает крупные заказы от общественных организаций. В настоящий момент создаются и другие хозрасчетные организации, например, библиотека русского зарубежья. Мы договорились с районным отделом культуры о ее хозрасчетном статусе, а также о переплетной и копировальной мастерских. В Госкомиздате находятся документы об открытии профсоюзного издательского дела. Мы

имеем тесные отношения с религиозными организациями, а также ведем сейчас большую работу в области национальных отношений.

А. К. Назимова: У меня к вам вопрос. Будут ли члены «Соцпрофа» платить взносы, и какие отношения в этом смысле с ВЦСПС? Не получится ли так, что людям придется платить сразу в два профсоюза?

С. В. Храмов: Естественно, мы будем собирать членские взносы. Причем, планируем брать не 1%, как обычно, а целых 3%. На первый взгляд это кажется очень много. На самом деле все обстоит не так. Давайте разберемся. Официальные профсоюзы существуют не только на членские взносы, но также и на государственные деньги из соцстраха. Причем, взносы сразу же поступают в их казну. Напротив, наши взносы остаются в ведении местной организации, они используются на оплату аппарата и на иную деятельность. Тратятся же только доходы от хозяйственной деятельности. Таким образом, все взносы остаются в ведении местной организации и идут на создание бездоходных функциональных служб. Это юридическая защита, касса взаимопомощи и медицинское обслуживание, страховой фонд и касса, в том числе забастовочная, помощи неработающим членам профсоюза. Чтобы не создавать внутренней бюрократии, мы предлагаем сотрудников аппарата посадить не на зарплату, а на доход от хозяйственной прибыли. Аппарат функциональной службы заключает договор с местной организацией и выполняет конкретную работу. Получается, что либо с нее он получает свой доход, либо на его содержание уходит часть совокупного дохода местного комитета. В любом случае доход будет не фиксированным, а зависящим от дохода, получаемого профсоюзом.

У «Соцпрофа» есть свой устав, однако нет своего помещения. Законом вам даны права, но их реализация зависит от управленческой бюрократии, которая на все ваши запросы отмалчивается.

М. А. Пресман: Думаю, несколько слов

надо сказать о предыстории альтернативного профсоюзного движения. В этом вопросе до конца еще не все ясно. Зимой 1988 г. я провел опрос по поводу отношения людей к неформальному движению и обнаружил удивительную вещь. Респонденты не высказывались против, хотя мнения варьировались очень широко — от полного признания до явного сомнения. Волна неформального политического движения набирала силу. Сейчас, я думаю, положение изменилось. Все почему-то охотно занимались политическими и правозащитными акциями, но до профсоюзов никому не было дела. Никто не хотел заниматься ими потому, что это должна быть практическая деятельность, нацеленная на зримый результат. Ею заниматься труднее, чем участвовать в политических клубах.

В то же время сейчас я наблюдаю подъем интереса и к этим вопросам, в частности, в Прибалтике. Условия и организация труда, оказывается, волнуют многих. Здесь не меньше нарушений прав человека, чем в других областях. Таким образом, потребность в новой профсоюзной организации вызревала в недрах нашего общества и массового сознания. Еще в конце 70-х - начале 80-х гг. произошли «заварушки» на ряде заводов, стихийно возникали попытки (например, группа Клебанова), создать неформальные профсоюзы. Однако сдвиг в быденном сознании происходил весьма противоречиво. Все мы привыкли к вульгаризированному марксизму, согласно которому общественный класс — это только те, кто имеет одинаковое отношение к средствам производства. На самом деле, это прежде всего те, кто осознает себя классом. Однако советские трудящиеся, на мой взгляд, еще не осознают себя как профессиональное единство. Взрыв профессионального самосознания напоминает мне эпидемию, которая охватила большие группы людей, различающихся по отраслевому либо профессиональному признаку. Но ведь возникло это движение только сейчас, даже не в последние годы, а в последние месяцы.

В Прибалтике я наблюдал любопытное явление. Многие звенья старых профсоюзов функционируют по-новому. Возникновение альтернативных профсоюзов не обязательно требует радикальных преобразований. Достаточно изменения вектора направления власти, чтобы он шел не сверху вниз, а снизу вверх. В местных организациях решения принимаются рядовыми членами профсоюза. И процесс новообразования идет вширь. Создается множество промежуточных форм, где лишь частично изменилась прежняя ориентация. Наряду с ними образуются более радикальные организации, ставящие на повестку дня и политические вопросы. Профсоюзная палитра Прибалтики ныне крайне разнообразна во многом еще и потому, что старые профсоюзы не остаются за бортом. Их пытаются инкорпорировать в новую систему, предварительно модифицировав. Старый профаппарат понимает необходимость обновления: снизу его подпират возрастающая активность рядовых работников. Профсоюзное движение здесь надо рассматривать как неотъемлемую часть общедемократического процесса.

В других же регионах нововведения сталкиваются с более сильным сопротивлением местных властей, партийных организаций. На восстановление профессионального сознания потребуется время, и процесс в целом будет двигаться у нас в других формах, чем в Прибалтике. Ведь там он идет на фоне других факторов консолидации - национального единения, гражданской инициативы и т. п. Кроме того, здесь не прерывалась профессиональная преемственность поколений, жива память даже об органах местного самоуправления, существовавших в Прибалтике до 1940 г. А ведь это очень существенно. Мы мало помним о русских артелях, о крестьянском самоуправлении.

Следующий момент, на котором хочу остановиться: в стране появилась новая группа трудящихся, практически не защищенная. Речь идет о кооператорах. В США, например, существует администрация малого бизнеса. Пирамида

управления построена таким образом, что система привилегий находится в обратном соответствии с мощностью и числом работников в монополии. На первый план все больше выходят предприятия малого бизнеса: они лидируют в ряде отраслей и представляют собой фактор, который ограничивает рост монополий. Наше законодательство, как мне кажется, должно повернуться лицом к кооператорам, фермерам, арендаторам и «индивидуалам». Они тоже нуждаются в защите своих профессиональных интересов. Однако система ВЦСПС их пока слабо охватывает.

Разница между политической партией и профсоюзами в следующем. Партия напоминает наконецник копыя, она зарабатывает авторитет у избирателей, которые считают, что только она защищает их интересы. В профсоюз входят все участники, там нет избирателей, хотя есть, конечно, выборные должности. Их занимают люди, умеющие активно действовать во имя общих интересов.

Разница именно в этом: профсоюз защищает прежде всего профессиональные интересы. Однако он вполне способен выступать также и на политической арене, если профессиональные интересы упираются в политику. Пока же они упираются только в экономику, например, развитие арендного подряда и решение вопроса о собственности; с развитием кооперативов встанет вопрос о работодателях. Так уже было в 20-е гг., когда профсоюзные отношения разворачивались сразу в нескольких секторах многоукладной экономики. И везде по-разному. Будущее за многообразием форм профсоюзной организации.

С. В. Храмов: Когда у нас появятся работодатели в лице кооператоров или арендаторов, мы скажем, что наша деятельность достигла цели - нормальной экономики. Все мы состоим в одной формальной профсоюзной организации - ВЦСПС и в одной неформальной. Она называется очередь. Так вот, точка зрения ВЦСПС на наше общество - это точка зрения очередн: чтобы всем все

досталось, чтобы никто не лез без очереди и т. д.

А. К. Назимова: А главное - чтобы сохранился «черный вход».

С. В. Храмов: Совершенно верно. Однако наша точка зрения - это точка зрения колхозного рынка. Таи всей все достается, но чем больше продавцов, тем дешевле пакет картошки. Перестройку некоторые понимают очень странно. Заявляют, что уже не профсоюзный комитет, а совет трудового коллектива (СТК) призван взять на себя вопросы производства, борьбу за научно-технический прогресс и т. д. Профсоюзам же остается заниматься только вопросами условий труда и заработной платы. Хотя при этом профсоюз почему-то оставляет за собой распределение путевок, управление государственным фондом социального страхования. Здесь действуют по принципу: кусочек - профорганизации, кусочек — СТК.

И опять профсоюз остается в роли распределителя благ: связывает, а точнее — навязывает людям привилегии. Он умудряется навязывать правительству свои представления о кооперации: надо-де контролировать цены, провести перерегистрацию кооперативов, часть из них закрыть и т. д. Принцип тот же: чтобы никому не досталось без очереди. Навязывают и встречают поддержку в широких массах.

Видимо, инстинкт очереди сидит глубоко в нашей психологии, стал чуть ли не отличительной национальной чертой. **А. В. Липский:** Я бы не утрировал ситуацию. Очередь и уравниловка действительно у нас прижились, вероятно, как ни в какой другой стране. Но ведь так можно зайти слишком далеко. Например, утверждать, что национальной русской чертой является покорность, поэтому, мол, у нас так слабо развито было профсоюзное и стачечное движение.

Мне кажется, здесь перепутаны местами причина и следствие, объективные условия и национальная психология. Что за чем следует? Может быть, все-таки именно историческая специфика, необычайно сложные условия поро-

дили рефлекс или комплекс очереди? Условия, в которых у иного народа могла вообще не проснуться воля к свободе. Но в России она существовала всегда, пусть не четко выраженная, во достаточно стабильная. Это же можно сказать о феномене «профессионального сопротивления» в годы застоя. И забастовки, и стачки, и свободные профсоюзы в тех или иных формах прорывались на поверхность.

Речь идет о новых профсоюзах в СССР. Куда их относить: к будущему или прошлому? «Независимые» уже существовали в стране и не так давно. Подобные факты признают даже зарубежные исследователи, в частности, Д. Лэйн в книге «Государство и политика в СССР» (Нью-Йорк, 1987).

Еще в 60-е гг. в стране возник целый ряд группировок, выступавших в защиту прав человека. Например, «Инициативная группа защиты прав человека в СССР», «Комитет по правам человека». Московское отделение «Эмнести интернэшнел». К некоторым из их требований, касающихся профсоюзных прав, присоединились тогда и рабочие. Хотя советские трудящиеся имеют законодательные права на труд, безопасные условия труда, приемлемую заработную плату и т. д., часть из них постоянно нарушалась.

В отличие от западных стран, где существует конкуренция на рынке труда и признаются права тред-юнионов, советское трудовое законодательство полагает труд обязанностью людей, за выполнение которой они справедливо вознаграждаются. Формально профсоюзы имеют право участия в управлении и планировании, право законодательной инициативы, а трудовое законодательство находится под юрисдикцией ВЦСПС. В целом профсоюзы играют двойственную роль, помогая обеспечивать выполнение производственных заданий и защищая интересы рабочих. Однако, в какой степени полно они защищают интересы трудящихся, до сих пор не ясно. В 60-е и 70-е гг. отмечались случаи незаконных увольнений. При этом профсоюзные комитеты ока-

зывались неспособными эффективно защитить человека.

«Неофициальные» профсоюзы возникли как оппозиция существующим союзам. В ноябре 1977 г. Владимир Клебанов, бывший шахтер, объявил, что группа *разочарованных* намеревается сформировать «независимый профсоюз». Они выпустили печатные заявления, в которых выразили недоверие существующим профсоюзам. Сформировалась «Ассоциация свободных профсоюзов рабочих Советского Союза», члены которой утверждали, что официальные профсоюзы неспособны эффективно защитить права рабочих, поскольку несут обязательство только за выполнение экономических планов.

В октябре 1978 г. была создана «Свободная межпрофессиональная ассоциация рабочих», заявившая о том, что ее членами являются 100 чел. Основные цели - защита членов ассоциации в случаях нарушения прав человека в различных сферах жизни: экономической, социальной, культурной, духовной, религиозной, бытовой и политической. Защитные функции предполагалось осуществлять в рамках действующей у нас Конституции, а также международных соглашений, подписанных советским правительством. Кроме того, планировалось создать юридическую базу защиты и удовлетворения жалоб рабочих, доводить эти жалобы до внимания ответственных организаций, обеспечивать их быстрое решение и, в случае отрицательного результата, информировать мировую и советскую общественность.

Судьбы первой и второй организаций были схожи: их лидеры подверглись преследованию. Правда, официально им не предъявляли обвинения в попытке основать независимый профсоюз или вступить в него. Их наказали «за клевету». СССР в ответ подвергся критике со стороны МОТ, куда рабочие обращались за помощью.

М. А. Пресман: Мне кажется, я понимаю причины неудачи группы Клебанова и независимых профсоюзов 60-70-х гг. События после 1985 г. показали, что люди, даже если им предоставлены

большие возможности, не умеют объединяться. И раньше они не могли действовать самостоятельно до такой степени, чтобы это стало заметным событием в общественной жизни. Стоило какой-либо группе превзойти некий «критический предел», как начинались внутренние трения и ее распад. Благих намерений и политических требований хватало, но не было обратной связи и выхода на конкретные дела. «Соцпроф» возник независимо от своих предшественников, у них не было никаких контактов. Тем не менее удалось добиться объединения большого числа людей и построить внутреннюю структуру, установить порядок, добиться «сыгранности команды». А это очень важно, потому что субъектом массового действия может быть только хорошо сработанный коллектив. Вот почему так важны кооперативные, арендные и семейные звенья, отличающиеся наибольшей гибкостью реакции на ситуацию и большой стабильностью. Группа Клебанова тоже была небольшой, но она действовала в иных социальных условиях.

А. К. Назимова: Мне хотелось бы высказать некоторые соображения по поводу сегодняшнего обсуждения. В известном смысле, пусть это не покажется общим местом, мы живем действительно в историческое время, когда все становится возможным. Если бы мне в январе 1989 сказали, что будет создан «Соцпроф», то я, не будучи связана с ним личными контактами, честно говоря, не поверила бы. Вы помните события вокруг «дела» ленинградского социолога А. Алексеева. Тогда чиновники больше всего боялись возникновения очагов солидарности. Все гонения на Алексеева были своего рода реакцией на саму такую возможность, страхом перед непредсказуемостью событий. Отдают себе отчет бюрократы или нет, но они воспринимают рабочий класс как своего рода балласт, необходимый кораблю для придания устойчивости. И до тех пор, пока рабочий класс не осознает себя, пока он не самоорганизуется, можно спокойно вести корабль, куда заблагорассудится.

Сегодня наступил момент, когда рабочий класс проснулся. Он начинает осознавать себя в качестве субъекта деятельности в самоорганизации.

Недавно сотрудник ИМРД АН СССР сделал доклад о результатах исследования на предприятиях Казани и Йошкар-Олы, перешедших на конверсию. Он спросил 200 рабочих и вот что выяснил. На вопрос о том, кто вам может помочь, случись у вас беда, например, вы потеряли работу, респонденты ответили: никому не могу доверить своей судьбы. На дополнительный вопрос: «Что надо делать?» последовало — самоорганизовываться. Так, между прочим, считают 40% рабочих и не где-нибудь, а на оборонном заводе. Вероятно, подобные выводы нельзя распространять на весь рабочий класс, но определенная тенденция все-таки прослеживается.

А. Н. Комозин: Извините, Алла Константиновна, что перебиваю, но мне кажется, что ваши выводы вполне можно спроецировать на всю массу занятых в общественном производстве. И вот почему. Авторитет профсоюзных органов сейчас крайне невысок. Проведенные нами в последние годы опросы показывают, что лишь около 10% работников высоко оценивают авторитет профкомов на своих предприятиях и в организациях. Примерно половина оценивает авторитет как средний, и одна треть считает его низким. Причем, наблюдается явная тенденция к ужесточению оценок. Вряд ли профсоюзные инстанции обрадуют то обстоятельство, что авторитет администрации, партийных и комсомольских органов на предприятиях трудящиеся оценивают, как правило, не намного выше, а порой и ниже.

Невысокий, а точнее сказать, низкий авторитет традиционных органов профсоюза может привести к тому, что при серьезных обострениях на предприятии, возникновении трудовых конфликтов старые профсоюзные структуры окажутся не у дел. Они могут превратиться в некие рудиментарные придатки централизованной распределительной системы, что, кстати сказать, уже произошло в Караганде и Донецке. Интересы шахте-

ров защищали, главным образом, вновь созданные забастовочные комитеты. Мысль о создании независимых профсоюзов давно витает в воздухе. И в общем-то нет ничего удивительного в том, что она начинает материализоваться. Рано или поздно это все же случилось бы. Сейчас идея реализовалась в форме такого органа, как Координационный совет Объединения социалистических профсоюзов СССР. Получит ли этот, судя по его названию, «головной» орган свое «туловище» в виде полнокровных профессиональных союзов на местах, покажет будущее. Мне думается, что наши традиционные профсоюзы, несмотря на критическое к ним отношение, полностью не исчерпали лимит доверия. Этому же способствует и инерция обыденного мышления. В суждениях профсоюзных работников о том, что в рамках Административной системы их организация ничего не могла поделать, есть свой резон. Будет только хуже если несмотря на показной оптимизм высшего эшелона профсоюзов, профсоюзный актив на местах и сами трудящиеся не получат ясного ответа на вопрос, что такое современные профессиональные союзы, каковы их главные задачи и права? Инерция мышления приобретет иное направление, т. е. произойдет накопление «критической массы» неудовлетворенности. Недоверие к официальным профсоюзам в подобной ситуации будет питаться лишь тем, что они старые и традиционные, а новые и нетрадиционные получат дополнительную «фору». Но вопрос в том, насколько быстро и радикально наши профсоюзы способны перестроиться.

Сентябрьский (1989) Пленум ВЦСПС во многом проходил по-новому. Острее была критика, смелее предложения по совершенствованию профсоюзной работы. Однако концепция новых, или обновленных, профсоюзов пока что отсутствует. Следовательно, громоздкий профсоюзный корабль движется, не имея точного ориентира. Не услышал я здесь также и четкой программы действий от представителей «Соцпрофа». Необременность традициями позволяет им лави-

ровать среди многочисленных проблем в рабочем движении. Однако подобная позиция чревата легковесностью и авантюризмом.

Л. К. Назимова: Я продолжу свою мысль. Она во многом противоречит позиции, высказанной Александром Николаевичем. Я не вижу никакого авантюризма в действиях «Соцпрофа». Или я вас неправильно поняла. Напротив, очень важно и очень ко времени зреет самосознание рабочего класса, зреет потребность в самоорганизации. Глубокую закономерность, а не голый авантюризм я вижу в том, что сейчас находятся люди, способные организовать дело, взять его в свои руки. Хотя это нелегкий труд. Сколько непонимания и косых взглядов они получают в ответ! Долгие годы нас приучали не брать на себя лишних забот, «не высовываться». А формализм пронизал все общество, заменив собою подлинный профессионализм. Главное, в нас подорвали веру в самоценность общественной инициативы, гражданского самоуправления. Вспомним, как еще недавно мы относились к общественной работе, общественным поручениям. И вот в стране появляется настоящее общественное — политическое, национальное, экологическое, а теперь в профессиональное — движение. И мы спешим на него перенести старые мерки, прежние стереотипы. Для нас всякая инициатива может показаться авантюризмом и романтикой.

Второе соображение мне хотелось бы высказать в плане размышления. Конечно, ваша основная задача, как вы себе ее ставите,— это, действительно, защитная функция настоящих профсоюзов. Но вы прекрасно знаете, что у нас проблема колбасы, как и любой другой детали быта, становится вдруг политической. Сейчас мы опять вступаем в очень важную полосу. Речь идет о выборах местных советов. Я думаю, что мы может поступиться частью выдуманных идеалов, оторваться от наших теоретических принципов и посмотреть, что творится в жизни.

Закончу общим пожеланием. Сейчас

идет активный этап создания различных общественных организаций. То здесь, то там возникают политклубы, рабочие центры, стачкомы.

Конечно, пока что мы можем говорить лишь о периоде первоначального накопления общественно-политического капитала. Все очень зыбко, но через какое-то время надо подумать о приведении этого в систему, о создании ассоциации и организаций трудящихся. Должен быть не только Координационный совет «Соцпрофа». В противном случае работа будет расплываться. Страна ваша огромная, и желаний у всех много. Консолидация перестроечных сил, выражающих пробуждающуюся инициативу рабочего класса,— это следующий и качественно более высокий этап общественного развития. Этап, знаменующий возникновение у нас правового государства и гражданского общества.

А. М. Пресмаи: Алла Константиновна, вы упоминали о результатах эмпирического исследования. Меня интересует: задавался ли в нем вопрос о том, видят ли труженики в лице ВЦСПС реальную силу, способную помочь конкретному человеку?

А. К. Назимова: Да, подобный вопрос стоял. Но число ответивших на него положительно не превышало 7%.

Вряд ли удивительно, что старые профсоюзы ведут себя по-старому. Тот ошибается, кто думает что вначале будут новые условия, а затем уже — новые профсоюзы. Сохранятся те профсоюзы, которые с самого начала будут бороться за эти новые социально-экономические условия.

Ситуацию, которая сложилась в традиционных профсоюзах, я бы подразделил, условно говоря, на три следующих уровня: организационно-психологический, политологический и политико-экономический.

До недавнего времени, а во многом и сейчас, трудности профсоюзной работы связывались с организационными неувязками: неудачным подбором кадров руководителей и несознательностью людей. Соответствующими были способы

разрешения проблем: поиск более оптимальных оргструктур, в частности, между отраслевыми и территориальными органами, перетряхивание чиновничьего аппарата. Неэффективными или даже бесполезными были и методы работы — внушения, призывы, уговоры и приказы.

Проникая на более глубокий уровень объяснения, мы приходим к пониманию того, что в условиях административно-командной экономики, в рамках всеобщего огосударствления профсоюзные органы (о профессиональных союзах как самостоятельных, самоорганизующихся общественных организациях говорить в общем-то не приходилось) только и могли выполнять роль еще одного, может быть, самого мягкого, способа воздействия «верхов» на «низы». В те времена, когда популярным и, по сути, очень верным было сравнение общества с отлаженным механизмом, профсоюзы рассматривались в качестве «приводных ремней» от центра к людям-«винтикам». В послесталинский период ослабилась жесткая машинообразность управления, но роль профсоюзов как некоей отдушины для выпуска пара не снизилась. Скорее, наоборот. Через профсоюзы трудящиеся хотя бы в какой-то степени приобщались к управлению производством, но, строго говоря, толку от этого было мало [вспомним, в частности, ПДПС (постоянно действующее производственное совещание)]. Функции профсоюзов стали необъятными и расплывчатыми, а права — неопределенными. Недаром профсоюзы сравнивают с бабушкой, которая во все вмешивается, но ничего не решает. Сейчас правильно говорят о необходимости разгосударствления профсоюзов, превращения их в самостоятельную и самостоятельную организацию. Однако для того чтобы разграничить в обществе права профсоюзов и государства, а на предприятии — права профкома и администрации, надо четко себе представлять экономические интересы различных социальных групп, которые могут и должны быть приведены в движение.

Здесь уже требуется уровень полит-

экономического анализа. Для того, чтобы определить главную задачу и функции профсоюзов, надо ответить на вопрос: являются ли трудящиеся, или их часть, наемной рабочей силой? Мы привыкли считать, что наемного труда у нас нет. Действительно, до тех пор, пока общественная собственность однозначно идентифицировалась с государственной, а само государство считалось средоточием высших интересов (других - обычных человеческих, как бы не существовало, поскольку государство взяло на себя право решать, какие именно интересы в данный момент присущи людям), доказательств наемного труда вроде и не было.

Но вот что удивительно: полным ходом идет демократизация общества, а мы говорим, что при социализме есть наемный труд. Парадокс ли это сознания или действительности? Открытые забастовки (о скрытых, например, о «работе с прохладцей» я сейчас не говорю) поставили вопрос «ребром»: идти вперед, отдавая собственность в руки групп людей, способных наладить эффективное производство (в том числе найти приемлемые условия для взаимной договоренности с наемной рабочей силой), или опять ужесточить управление экономикой за счет ее идеологизации и политизации, а в случае необходимости — военизации. В частности, в отношении забастовщиков вернуться к методам «военного коммунизма», когда забастовка приравнивалась к саботажу со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако какие виды собственности придут на смену «всеобщегосударственной»? Сейчас пока официально принят тезис о плюрализме собственности и многоукладности будущей экономики. Но ясно одно: лишь признание и соответствующее правовое регулирование найма труда создаст экономический фундамент для деятельности профсоюзов. Только при этих условиях главной задачей станет защита интересов наемных работников, в том числе качественной подготовки и продажи рабочей силы.

На VI Пленуме профсоюзов тезис о защитной функции как центральной за-

дачи профсоюзов был высказан многими участниками. Говорилось и о забастовках, но лишь как крайнем средстве, защиты прав трудящихся. На мой взгляд, еще рано считать, что официальные профсоюзы полностью переориентировались, т. е. определили свое место в процессе обновления социальной системы. Скажу больше: практически сделать подобный шаг профсоюзам, может быть, труднее, чем любой другой политической или общественной организации. Причина не только в том, что аппарат профсоюзов долгое время действовал с оглядкой, а то и по указке «старшего брата» - партии, т. е. служил своеобразным «отстойником» для уходящих на пенсию партийных кадров. За долгие годы профсоюзы привыкли рассматривать защиту интересов трудящихся как выпрашивание, выклянчивание милостей у «верхов» (кстати, высший эшелон профсоюзного аппарата сам входил в эти «верхи»): Да и как, спрашивается, по-другому защищать интересы людей труда? И от кого именно — от родного государства, от самой передовой партии в мире? Естественно, что при такой постановке вопроса «защита интересов» чаще сводилась к очередной подачке, даже не по злему умыслу, а вследствие неэффективности всей системы, прежде всего — экономической. В свое время можно было услышать такую формулу: профсоюзы должны защищать трудящихся от бюрократических извращений государства. Все правильно. Но бороться лишь с «отдельными» (однако встречающимися повсеместно, на каждом шагу) недостатками, значит согласиться с условиями, которые служат причиной их возникновения.

О том, что профсоюзы пока не вполне четко представляют свою роль, а понятие «защита интересов трудящихся» воспринимается по-старому, говорит, в частности, факт конфронтации профсоюзов по отношению к кооперативному движению, продемонстрированный на VI Пленуме (письмо с призывом к ограничению деятельности кооперативов). Конечно, извращений в кооперативном движении более чем достаточно. С ними

надо бороться и всерьез. Но представлять дело таким образом, что кооперативы чуть ли не главные виновники всех бед, в том числе пустых прилавков магазинов,— неправильно в принципе. Можно ли себе вообразить, что кооператоры забастуют? Вряд ли. Хозяева не бастуют. Об этом резонно напомнили шахтеры, требуя большей экономической самостоятельности. А вот то, что работающие в кооперативах по договору могут забастовать, в принципе допустить можно. Понято, к кому они будут апеллировать со своими претензиями. Только государству по силам быть гарантом соблюдения законов.

Я указал на возможность конфликта в кооперативе лишь как на пример, показывающий направление и субъекта трудового взаимодействия. Понятно, кого и от кого здесь должны защищать профсоюзы. Понятна и роль государства. Но я не хочу этим сказать, что защитные функции профсоюзов появляются только в условиях «частной» собственности. Экономическая ситуация требует допущения многообразия форм собственности. Государственная не должна быть абсолютной. Да и на госпредприятиях политические механизмы управления надо дистанцировать от экономических, а это возможно при переходе на арендные отношения. Что получается сейчас? Любая забастовка, по существу, приобретает политический характер, т. к. оппонентом трудящихся выступают государственные органы, фактически - само государство. А это, как мы наблюдаем по событиям в Польше, чревато перерастанием частных конфликтов в общенациональный кризис.

Парадокс состоит как раз в том, что профсоюзы сейчас склонны защищать сословно-кастовые интересы отдельных групп трудящихся, но не социально-классовые интересы наемного труда. Парадокс в общем-то понятный, т. к. эгалитаристские тенденции сильны в сознании масс. Каким бы оппортунизмом ни казалось по отношению к догматизированной версии марксизма положение о существовании при социализме наемного труда, тем не менее оно более точно от-

ражает ситуацию. Другое дело, что в условиях всеобщего огосударствления правильнее говорить о сверхнаиме (с элементами полукрепостной зависимости). Поэтому профсоюзы, чтобы защищать интересы рабочей силы на рынке труда, должны еще побороться за создание такого рынка. Судя по отдельным высказываниям представителей «Соцпрофа», такая постановка вопроса им понятна, значит они имеют определенное теоретическое (пока что только теоретическое) преимущество перед традиционными профсоюзами.

С. В. Храмов: Я против отождествления интересов различных групп трудящихся с таким абстрактным понятием, как «интересы рабочего класса в целом». Мы часто говорим о рабочем классе, не хотим видеть всю гамму в различие интересов рабочих. Приведу пример. Таксомоторный парк — единая трудовая организация, но у водителей одни интересы, а у слесарей другие. Должен ли быть общий профсоюз или у каждого свой? Традиционные профсоюзы их объединяют, т. е. по существу нивелируют различие интересов. Но если бы те и другие имели отдельные мощные организации, то гораздо быстрее мог развиваться процесс профсоюзного, но конфедерационного объединения. Чем больше у рабочих возможности профессионализироваться в своей организации, тем сильнее выражена тенденция к объединению.

То и дело создаются разного рода ассоциации. Совсем недавно оформилась Ассоциация летного состава. По своему статусу она занимает как бы промежуточное положение между творческим союзом и профсоюзом. Поэтому они вынуждены искать себе спонсоров в лице Министерства гражданской авиации или кого-то еще. Создается Ассоциация локомотивных бригад, Ассоциация угольщиков и некоторые другие. Вот вам профсоюзный плюрализм на деле, доказывающий бесперспективность некоторых теоретических прогнозов.

А. И. Кравченко: Насчет теоретических прогнозов вы правильно подметили. Мы часто рассуждаем о рабочем классе в

первом лице, забывая, что первым лицом может быть только сам рабочий класс. И нередко он в своей среде порождает такие формы профсоюзной деятельности и создает такие способы защиты своих интересов, о которых ученые и не догадывались. На нашем обсуждении присутствует представитель украинских рабочих клубов. Ему слово. А. И. Бадин: Расскажу о своем городе и своих товарищах. Город Волгодонск молодой, самое крупное предприятие — «Атоммаш». В свое время здесь была всесоюзная ударная стройка. В 13 км от города возводится Ростовская АЭС. Со всей страны огромные массы людей съехались за теми самыми льготами, с помощью которых администрация и профсоюз пытаются привязать кадры к предприятию. Ситуация очень сложная, активно действуют общественные и гражданские инициативные группы. Первым оформилось экологическое движение. Так, год назад возникла «Зеленая волна», как ответ на усилившееся загрязнение окружающей среды химкомбинатом и Ростовской АЭС. Позже родились товарищество «Марксист» и политклуб «Демократическая перестройка», «Красная звезда» (объединение «афганцев»), клуб «Монолит» и другие общественные организации. Тон задает главным образом интеллигенция, рабочих мало. Последнее время двадцатитысячный «Атоммаш» лихорадит: отсутствие заказов, плановая убыточность, огромные приписки. Постепенно люди привыкли к тому, что зарплату им «выводят». Они на все закрывают глаза, получая 300-400 руб. И вдруг **нашлись** такие, кто не стал мириться с бесхозяйственностью. В августе 1989 г. один *та* них — коммунист, заместитель председателя городского комитета рабочего контроля, объявил одиночную забастовку, выступая против приписок и неправильного планирования. Была затем создана инициативная группа поддержки, куда вошли работники «Атоммаша» и ряда других предприятий.

Во всех последующих перепетиях удивляет поведение самих рабочих. Не активистов инициативной группы, а ря-

довых работников. Ведь что требовал Долженко? Планировать только от реального, прекратить выпуск брака, наладить учет в системе материально-технического обеспечения, привлечь к партийной и административной ответственности лиц, виновных в разбазаривании народного достояния. Все дело в том, что удовлетворение требований Долженко ударит по карману очень многих. Только в одном цехе обнаружили приписок на 30 с лишним тыс. руб. Но ведь за невыполненную работу людям уже выплачена зарплата, они получили премии.

На митинге рабочие признали, что жить с приписками нельзя. Но как же кормить семью при старой системе оплаты? Перейти на аренду? Тогда как быть с долгами предприятия, длинным хвостом нерешенных проблем? Нужны годы и годы для их решения.

В ходе майской избирательной кампании наш кандидат - заведующий филиалом Новочеркасского политехнического института, собрал на 7 тыс. голосов меньше чем надо. Почему, спрашивается, так получилось? В противовес нам местные власти выдвинули кандидатом не интеллигента, а рабочего. Конечно, удобного им. За него и проголосовало большинство избирателей. Многие в нашем городе полагают, что проблемы рабочего класса может решить только представитель рабочих. А все интеллигенты - инженеры, директора и т. д., какие бы грамотные и способные они ни были, по сути своей бюрократы, оторванные от жизни простых людей, чуждые их интересам. Корпоративность и консерватизм сознания рабочего класса оказались на руку не мнимым, а настоящим бюрократам. На этой волне они и набрали большинство голосов. Главным был не вопрос, прав ты или нет, какова твоя конструктивная программа, а — за кого ты. То и дело мелькали лозунги типа: «Всех бюрократов задавим», «Слава рабочему классу». Все это - атрибутика плакатного героя, каковым Административная система хотела бы видеть реального рабочего. Сейчас мы знаем о существовании не-

зависимых профсоюзов, причем с сильным организационным ядром. Но кто первый схватился за эту идею? Интеллектуалы, инженерно-технические работники того же «Атоммаша». А что же рабочие? Они в сомнениях: как же быть с больницами, садиками и прочими льготами, которые остаются в руках других, официальных профсоюзов. С одной стороны, защищать свои интересы, конечно же, надо, а с другой - не хочется отказываться и от профсоюзных благ. К тому же ухудшается снабжение города продуктами и предметами первой необходимости. Много выдается по карточкам. Сейчас в нашем городе три системы карточек, могут и еще добавиться. Не успеешь оглянуться, как дело до хлебных карточек дойдет. А распределяет все тот же профсоюз. Как будут развиваться дальше независимые профсоюзы, я не знаю. На разъяснение и агитацию уйдут годы.

С. В. Храмов: Здесь упоминалось о том, что рабочие получают большие деньги именно за счет приписок. В чем я вижу проблему? При существующей практике коллективный договор, заключаемый между профсоюзом и администрацией предприятия, оговаривает фонд заработной платы. Это система координат, в которой оценивается поведение рабочих. Все другие выплаты, помимо фонда, могут быть только незаконными. Мы предлагаем иную структуру. В основу коллективного договора закладывается не стоимость труда (фонд зарплаты), а цены на базаре. Другими словами, нынешний прожиточный минимум. В таком случае незаконных выплат вообще быть не может. Пусть рабочие берут от предприятия максимум того, что оно способно дать. В действительности это самый банальный торг. С одной стороны, идет продажа рабочей силы, представленной профсоюзом, а с другой - ее купля, но на взаимовыгодных условиях, т. е. на основе прожиточного минимума для данного района.

Но это не значит, что независимые профсоюзы легализуют приписки. Речь о другом. Мы говорим, что даем реальные деньги на реальную жизнь. Поэтому

припискам взяться просто неоткуда. Максимум, который рабочий должен получить от предприятия, он получит. Эстонские экономисты считают, что прожиточный минимум на одного человека в СССР составляет 125 руб. «Соцпроф» же будет добиваться, чтобы в коллективном договоре минимум зарплаты равнялся 1,5 тыс. руб. в месяц. Проблема садов, больниц и прочих благ решается тоже просто. Открываются хозрасчетные сады при фонде социальной защиты и милосердия за те же самые деньги, что и государственные, но с лучшим обслуживанием. Сады могут быть домашними, когда одна женщина, допустим, берется ухаживать за пятью детьми. Такой метод уже используется официальными профсоюзами на КАМАЗе. Надомная воспитательница получает трудовую книжку как руководитель детсада, ей идет трудовой стаж и зарплата. Иначе можно организовать и оплату больничных листов. Мы готовим альтернативный проект типа больничной кассы. Например, каждый рабочий отчисляет какую-то сумму из своего жалования; если он не болел в течение полугода, получает деньги обратно. Но есть и другие варианты переустройства, существующей системы. Так, профсоюзы Эстонии отказались от распределения государственного фонда социального страхования. По тому же пути идет и ВЦСПС. Еще один путь - строить собственные санатории и пансионаты, сдавать их в аренду. Еще один вариант, опробованный недавно шахтерами: они забрали себе все профсоюзные лечебницы и подчинили их стачкомам. И если бы шахтеры объявили себя профсоюзом, то сразу же могли получить права этой организации, а не мифические права стачечного комитета. Мы за самостоятельность и независимость каждой местной организации. Любой независимый профсоюз, даже находящийся вне рамок «Соцпрофа», - наш союзник.

А. И. Кравченко: Ну что же, будем считать, что дискуссия подходит к концу и надо подводить некоторые итоги. Что прояснилось лично для меня в вопросе о существовании в стране альтернативных профсоюзов? С одной стороны, до-

статочно многое, т. к. выявилась фактологическая сторона этого движения, его состав, структура, масштабы, формы и цели действия. С другой - достаточно мало, ибо к однозначным теоретическим выводам приходится еще рано. Хотя некоторые обобщения все-таки можно сделать.

Возникновение новой формы профсоюзного объединения, а именно, Социалистического профсоюза (название само по себе требует серьезной аргументации и разъяснения), с представителями которого мы сегодня встретились, явление, на мой взгляд, несомненно позитивное. Во-первых, оно свидетельствует о расширении демократической базы профсоюзов, плюрализме точек зрения и подходов. Вопрос о том, выступают ли новые профсоюзы альтернативой старым, и если да, то в какой степени, требует более серьезного рассмотрения. Во-вторых, рождение «Соцпрофа» и других форм коллективной защиты интересов рабочих служит ответом на фундаментальный вопрос, поставленный современным обществом (и не только нашим): способны ли профсоюзы сохранить ту роль, которая отведена им историей?

О «кризисе доверия» к нашим профсоюзам мы говорим уже не первый год. Социологические опросы свидетельствуют о падении их авторитета в общественном мнении. О том, что профсоюзы превратились в часть той структуры, развитие которой они призваны были контролировать, т. е. Административной системы, сегодня говорят практически во всех социалистических странах. Этот феномен называют огосударствлением профсоюзов, их бюрократизацией, срастанием с административным аппаратом и т. п. Названия разные, а суть одна - взятие на себя функций государственных учреждений (слияние с государством), отчуждение от рабочего класса, ослабление или игнорирование защитных функций. Монополизация распределения социальных благ (путевок, детсадов, жилья и т. п.), с помощью которого администрация и профсоюзы умудряются манипулировать поведением рабочих, расправляться с неудобными и добиваться

лояльности,- лишь следствие, вытекающее из деформации двух других, базовых функций профсоюза: самостоятельности (автономии) и защиты интересов трудящихся.

Кому-то может показаться, что «кризис доверия» — явление сугубо наше, и связано оно с социалистической экономикой. На самом же деле, «кризис профсоюзов» поразил в 80-е гг. практически все промышленно развитые страны. В США, ФРГ, Италии, Франции, Испании сокращается численность профсоюзов, отмечается спад забастовочного движения, все большие уступки монополиям (читай: Административной системе), переход на оборонительные позиции, передача ряда функций массовым демократическим движениям (у нас - то же самое), неспособность выработать решение проблемы занятости, стремление удержать трудящихся от политической борьбы.

Таким образом, профсоюзное движение у нас и на Западе характеризуется весьма значительным сходством. Многие лидеры зарубежных профсоюзов, в частности Антонио Пиццинато, Генеральный секретарь Всеобщей Итальянской конфедерации труда (ВИКТ), признают, что современный профсоюз все больше утрачивает способность быть прямым и непосредственным выразителем интересов трудящихся, что он в значительной мере не автономен. «Кризис профсоюзов», принявший, таким образом, глобальный характер, настолько серьезен, что зарубежные социологи и политики, в том числе Ральф Дарендорф, предсказывают их исчезновение с исторической сцены как отжившего социального института. Естественно, что в каждой стране этот кризис имеет свои специфические черты, тем более у нас, где индустриальное развитие в целом и рабочее движение всегда отличались заметным своеобразием.

Но факт остается фактом. Мы говорим о кризисе и спрашиваем себя: за кем пойдут профсоюзы? Вопрос более чем серьезный. От его решения в основном и главным, я в этом убежден, будет зависеть судьба перестройки. Если профсоюзы — «придаток» Административной си-

стемы, то бороться с ней они никогда не будут. Если профсоюзы опираются на отсталые, малоквалифицированные, инертные слои работников, то они станут поддерживать консервативные силы. Кстати сказать, октябрьские (1989) митинги трудящихся против хозрасчетной политики в Москве свидетельствуют об этом. Весьма вероятно, что профсоюзные бюрократические структуры стали рупором консервативных политических кругов власти.

Но возможна и другая интерпретация событий. Вполне вероятно, что мы слишком эмоционально оцениваем явления, региональные особенности выдаем за глобальные, характеристики циклического кризиса принимаем за симптомы «сущностного» кризиса профсоюзного движения. Если внимательно проанализировать историю, то увидим, что реальной альтернативы существующим профсоюзам в нашей стране не было да и не могло быть в принципе.

Огосударственные профсоюзы - это вовсе не сталинская находка, а сущностная черта административного социализма. Согласно учению Маркса, в капиталистическом обществе профсоюзы являются полезным инструментом рабочего класса в борьбе против буржуазии. Наряду с завоеванием экономических свобод и улучшением условий труда их главная функция - разрушение. Но как только социализм побеждает, главной задачей профсоюзов становится созидание. В полном соответствии с принципами марксизма Ленин видел миссию профсоюза в решении производственных задач. В условиях хозяйственной разрухи и голода 20-х гг. борьба за повышение заработной платы, улучшение условий труда, т. е. традиционная роль тредюнионов, могла иметь крайне негативное значение. От профсоюзов требовалось идти в ногу с партией и государством по пути народного хозяйства.

Таким образом, производственная ориентация профсоюзов - отнюдь не выдумка, но историческая закономерность. Постепенно она закрепилась в стахановском движении, движении ударников, еще больше усилилась в период Великой

Отечественной войны и стала доминировать позже. Во всяком случае, импульсы к ее усилению находились постоянно, ибо, что греха таить, экономика в технологиях у нас всегда хромала, беспхозяйственность и невыполнение плана стали хроническим явлением, а средства на решение социальных вопросов тоже постоянно не хватало. В богатой стране профсоюзы могут позволить себе «выколачивать» блага у тех, кто ими распоряжается. Но в бедной нет того, что нужно или можно «выколачивать». Все мы богатея пропорционально тому, как трудимся и что зарабатываем, а беднеем пропорционально тому» как глупеем, принимая ошибочные управленческие решения.

Иными словами, «богатые» профсоюзы могут существовать только при определенном уровне управления. Экономический подъем США и индустриальный скачок Японии обеспечили прежде всего их системы управления. Наша экономическая и социальная отсталость тоже следствие нашего управления.

За спиной у западноевропейских и прежде всего английских профсоюзов 200 лет активной борьбы за свои права, у наших же не наберется и сотни. Социалистическая модель профсоюзов, хотя и сформирована теоретическими принципами марксизма, но отражает те реальные условия, которые достались нам от царизма. А в дореволюционной России рабочий класс даже близко не подошел к тем правам и свободам, которые имели, например, английские тред-юнионы. Но если еще не успел появиться вкус к свободе и привычка к культуре труда, то каким образом могли зародиться свободные профсоюзы? По большому счету, российские профсоюзы были просто больны рахитом. Именно поэтому первые роли в рабочем движении играли политические партии, а не тред-юнионы. Последние во всех странах выполняют роль амортизатора, сглаживающего антагонизм труда и капитала. А в России он зашел так глубоко, что потребовалась политическая партия (большевики) и хирургическая операция.

И если согласиться с подобной, пусть

схематичной и во многом спорной реконструкцией истории, то придется согласиться также с тем, что у традиционных профсоюзов нет серьезной альтернативы. «Соцпроф» - это не альтернатива. Недаром его представители более чем осторожно выражаются на этот счет. Они пришли не конкурировать, а дополнять, если, конечно, я их правильно понял. Экономическая база «Соцпрофа» — развитые товарно-денежные отношения, налаженный рынок рабочей силы, конкуренция и правовая защита. Но всего этого нет и вряд ли появится скоро.

Но парадокс в другом. Стоит только хозрасчетным отношениям зайти слишком далеко, стать неуправляемыми, как первое, что сделают рабочие массы - это отвернутся от «Соцпрофа». Рыночная экономика предполагает, что безработица, негарантированная занятость, колебания зарплаты и цен станут не только повседневным явлением, но (в наших-то условиях!) и процессом совершенно нерегулируемым. Вот тогда рядовые труженики и вспомнят о социальных гарантиях, которые предоставляет им «надоевший» профсоюз. Гарантированные блага - зарплата, работа, медицинское обслуживание и т. п. — резко подскочат в цене. Сейчас их навязывают, а тогда будут выпрашивать. И никакие уверения представителей «Соцпрофа» меня не убедят в обратном. Ведь официальный профсоюз регулирует движение рабочей силы, управляет ею в масштабах всего общества. Только ему по силам решать те макропроблемы рыночной экономики, которые грядут. Возможно, что тогда мы бросимся спасать, а не топить его.

Наемный труд - это не технология и методы хозяйствования, а совершенно другая субкультура со своими ценностями, установками, обычаями и логикой поведения. Пусть это не покажется преувеличением, но на выработку иного образа жизни и другой субкультуры может потребоваться лет 200-300. Если, конечно, не форсировать этот процесс и не делать опять глупостей. Но хуже то, что только на почве рыночной экономики может зародиться профессиональный

труд в подлинном смысле. Мы все еще дилетанты в своей работе. Это проявляется и в культуре труда, и в его низкой интенсивности, и в дисциплине производства. Профессиональный труд в строгом смысле, если следовать определению Э. Дюркгейма, это труд свободный и протекающий в рамках договорных (контрактных) отношений. Чтобы иметь возможность дороже продать свою рабочую силу, т. е. свой талант и умение, нужно, чтобы общество готово было заплатить по эквиваленту и оценить твой труд по достоинству.

Закончу же я тем, что спешить с прогнозами относительно будущего «Соцпрофа», его места в рабочем движении и социальной структуре еще преждевременно. Но, несомненно, «Соцпроф», как бы ни назывался, необходим про-

цессу обновления профсоюзов. Рабочее движение, если оно движение, а не состояние, может быть только демократическим и плюралистическим. Ни в одной индустриально развитой стране нет профсоюзной монополии. И уж коли наша страна активно включается в международное разделение труда, приобщается к общемировым ценностям и стандартам труда, то неизбежным становится процесс коренной перестройки профсоюзного движения. Таково требование времени. Возможности и реальность альтернативного движения будут зависеть от того, в какой мере мы сможем соответствовать этим требованиям.

*Материалы «круглого стола»
подготовил к печати А. И. Кравченко*